

*И.Е. Пожилов**

**«Сначала партия, армия потом»:
как в КПК выполняли наказ Чэнь Дусю**

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена проблеме выбора приоритетов в организационной работе КПК в период Великой революции и сразу после неё, связанной с практической реализацией выдвинутого Чэнь Дусю во многом надуманного тезиса о первостепенности партийного строительства в ущерб военному.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: КПК, Чэнь Дусю, «военный оппортунизм».

Не будем загадывать, изменилась бы или нет текстуально (по существу — очень сомнительно) «Первая программа КПК», которую наспех сочинили в недрах Коминтерна, прими участие в учредительном съезде китайских коммунистов их общепризнанный лидер Чэнь Дусю, обыкновенно имевший привычку мыслить самостоятельно. Обозначенное же в документе вторым пунктом положение о том, что «революционная армия совместно с пролетариатом должна свергнуть власть капиталистических классов», не могло вызвать и не вызвало у него никаких возражений [1, т. 1, с. 5; 2]. Если отвлечься от частных деталей, то в этом заключалась едва ли не вся соль политического учения марксизма. «Революционная армия, — писал Ленин, — необходима потому, что только силой могут быть решены великие исторические вопросы, а организация силы в современной борьбе есть военная организация» [3, т. 10, с. 338]. Ленинскую мысль Чэнь Дусю не раз и не два актуализировал в своих работах начала 1920-х гг. и впоследствии не упускал из вида, называя тех, кто

* Пожилов Игорь Евгеньевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. Москва, Россия; E-mail: pozhilov1@yandex.ru

© Пожилов И.Е., 2019

«выступает против армии революции», даже не «глупцами», но «контрреволюционерами»¹ [4, т. 1, с. 1142].

В 1938 г. взобравшемуся на партийный олимп Мао Цзэду историю с «Программой» показалась неубедительной (что называется, не верь глазам своим, — ведь и в работе съезда участвовал, и голосовал), а позднее, с осознанием в КПК сентенций основоположников о «важнейшем оружии пролетарской революции», так и вовсе удручающей. По его впечатлениям, партия в 1921–1924 гг. «не понимала важности непосредственной подготовки к войне и организации армии», в течение последующих трёх лет «всё ещё недостаточно понимала», хотя и начала «постигать важность военного дела». И, наконец, лишь на «августовском совещании» 1927 г., о котором вряд ли кто-нибудь и когда-нибудь вспомнил (оно того не стоило), прозрение — благодаря «открытию» фрондирующего нигилиста под шапкой «винтовка рождает власть» — становится окончательным и бесповоротным² [9, с. 389].

Понимали интеллектуалы в КПК и другое, более актуальное, нежели азбучный военный вопрос, — отчего глухо негодовали наставники в Москве, верставшие планы под знаменем национального освобождения раздуть пожар пролетарской революции в полукOLONIALном Китае. Китайских книжников-коммунистов не устраивала отведённая Коминтерном киткомпартии роль эдакого инсайдер-радикала, призванного провоцировать Гоминьдан к сползанию влево и, исподволь компрометируя его политику, подмять под себя единственную в стране силу, способную «возглавить нац[ионально]-рев[олюционнoе] движение» (помогать националистам «улучшить» партию, «вовлекать в неё массы» — пожалуйста, но от роли раздражающего фактора — увольте). За собственную миссию с применением вооружённого насилия, как полагали Чэнь Дусю и его ближайшие

¹ Не отличались недооценкой значимости «военки» и многие другие руководители-коммунисты, к числу которых отнесём Цюй Цюбо, Цай Хэсэня и Дэн Чжунся, совершенно недвусмысленно, а то и с величайшим пафосом, писавших об этом (см.: [5, с. 311; 6, с. 106; 7, с. 58, 63, 64]).

² Совещание прошло в отсутствие даже намёка на кворум и законного главы партии. Кто и с какими идеями выступал на этом «форуме», судить с точностью невозможно, поскольку его стенограмма не велась, а текст, что за неё сегодня выдаётся, составлен гораздо позднее. Оказались не способными восстановить в памяти его содержательную часть и сами участники *бацзи хуэйи*, хотя им как первослушателям оглашения «огромной исторической важности» выпадало зарубить это на носу. В довершение всего, к левацко-экстремистским предписаниям совещания партийцы на местах отнеслись крайне настоятельно и спешить с их исполнением не собирались [8, с. 44, 46].

сподвижники, КПК возьмётся «после победы национальной революции, при ясной дифференциации классов»; а «в сей период надлежит вести агитацию, преумножать ряды и правильным образом строиться» [10, т. 1, с. 236–237; 11, с. 379]. Поначалу в партийных рядах подобный подход выучили назубок по сказанному Пэн Шучжи: «У революции своя последовательность: первый шаг — пропаганда, второй шаг — организация, третий шаг — вооружённое восстание или военные действия»; следом пришёл черёд отчеканенного генсеком «сначала партия, армия потом» [12, с. 169–170; 13, с. 34].

Правда, китайские коммунисты в начале пути являли собой партию далеко не большевистского типа, а многих из её влиятельных лиц сама перспектива «превратиться в солдафонов под командой всезнайки-фельдфебеля» ни капли не устраивала. И когда задним числом в правящем синклите КПК уж больно складно обвинили Чэнь Дусю в «матёром правом оппортунизме», включая «категорическое нежелание заниматься военной работой», и, главное, «понуждении подчиняться», всё это (гиперболизация властного и идейного диктата генсека) смотрелось как минимум нелепо [14, с. 136]. По воспоминаниям Ван Жофэя, в тогдашней киткомпартии имелось три руководящих центра: первый в Шанхае (Чэнь Дусю, Пэн Шучжи, Цюй Цюбо, Жэнь Биши); второй в Пекине (Ли Дачжао, Чжао Шиянь, Чэнь Цяоянь); третий в Гуандуне (Чэнь Яньнянь, Чжан Готао и Чжоу Эньлай). Как и положено, «их деятельность направлялась Центральным комитетом, однако очень многие вопросы товарищи на местах решали самостоятельно». К заметным проявлениям «провинциальной самостоятельности» Ван Жофэй относит, в частности имевший прямое отношение к «военке» тот известный факт, что Чэнь Дусю «забраковал затею с Северным походом», тогда как в Гуандуне и Пекине «бэйфа поддержали», и он «был вынужден смириться» [15, с. 205].

Между тем различных персональных достоинств и влияния лидера хватило для того, чтобы, — в угоду ритуальным хороводам вокруг тотемного столба «подлинной» революции как «праздника хозяев — угнетённых масс», а не «гостей с военной выправкой», — отбросить одной-единственной тирадой «воинское движение»³ на обочину партийных бдений. В опубликованной в журнале «Цяньфэн» (декабрьский выпуск 1923 г.) статье «Национальная революция в Китае и классы общества» Чэнь Дусю, наверняка не просчитывая последствий, заявил, что «попытка взять власть в опоре только на действия армии есть военный оппортунизм» [4, т. 2, с. 567].

³ *Шибин юньдун* — так в повременных партийных документах чаще всего называлась работа КПК в армии.

В ЦК «приговором», изрядно заострившим стержневой наказ вождя, манипулировали несколько лет и после его отставки, направо и налево раздавая ярлыки с обвинениями в *цзюньши тоуцзи* тем, кто «уповает на армейские части и *туфэй*», «не верит во всеокрушающую силу массового движения», «избегает слияния войны с борьбой рабочих и крестьян», и т.п. [1, т. 3, с. 395; 16, с. 56–57]. Пронять «внутрипартийных милитаристов» не вышло, а любители порассуждать о «революционной самодеятельности масс» нарадоваться не могли, и на запросы сверху о пульсе процесса ссылались на «острую нехватку оружия и финансовых средств», с лихвой компенсируемую (знали, чем угодить) «неукротимой стихией классовый ненависти трудящихся к эксплуататорам», «решимостью обездоленных восторгать чудеса голыми руками». Утащат у *тухао* курицу, спалют помещичий сарай, а то и штрейкбрехера удавят в городской подворотне — чем не «чудеса»?!⁴

Настоящая экзотика ранней «военки» КПК, впрочем, заключалась не в этом. Ревнителю химеры «всеобщего вооружения народа» в ЦК сами были не прочь поиграть мускулами и, учинив мятеж в Наньчане, выдали столь замечательный образчик «военного оппортунизма», что амнистировать КитРККА удалось лишь в 1933 г. Именно тогда 1 августа из «дня против империалистической войны» перелицевали в «памятную дату основания Красной армии», а виновницу торжества взамен уничтожительного «кучка военных авантюристов» принялись прославлять как «единственную путеводную звезду трудящихся масс» страны⁵ [1, т. 9, с. 256]. Если намерения

⁴ В несколько утрированной, но по сути верной, форме речь идёт об инспирированных ЦК КПК «осенне-урожайных» и прочих «массовых» выступлениях второй половины 1927 г., которые скорее следует отнести к партийно-летописным измышлениям, чем к исторической реальности. К примеру, большая часть выступлений в Лянху, ввиду пассивности крестьянства и, мягко сказать, нерешительности вождаков, не состоялась в назначенные сроки, а имевшие место свелись к профанации действия (разбросано с десяток прокламаций, подорвана пара бомб, обрезано несколько телеграфных проводов и т.п.); дабы не попасть в чёрный список «военных оппортунистов», коммунисты занимались беззастенчивым очковитирательством, расписывая «небывалый подъём масс» и отправляя наверх липовую отчётность (см.: [17, с. 27]).

⁵ Наньчанский мятеж (с 1957 г. именуется «восстанием») по своему содержанию являл собой не что иное, как заурядный военный путч, в котором даже старших офицеров коммунисты использовали, что называется, «втемную». О том, что они «бунтуют против Чан Кайши», стало известно лишь утром следующего дня на митинге, где им вместе с зеваками «раздали красные галстуки», но всё равно не объяснили (да и как объяснишь?), «зачем хва-

зачинщиков «ба-и» ещё можно объяснить, к примеру, неудержимым порывом «пальнуть по бастионам реакции» или страхом возмездия хотя бы за кровавые эксцессы в Хунани, что много ближе к истине⁶, то разгадать замысел «контрольного выстрела», имея в виду т.н. «кантонское восстание», нельзя, как ни старайся.

Необходимого тонуса военной работе коммунистов в мезальянсе с националистами, помимо злосчастного наставления Чэнь Дусю, не задавало и многое другое, среди чего китайские товарищи особенно напирали на «дискриминационную» в отношении к ним линию Москвы по сравнению с Гоминьданом⁷. Накануне VI съезда КПК Цюй Цюбо набросал для Н. Бухарина целый список каверзных вопросов, один из которых формулировался положительно самым беспардонным образом: «Почему Коминтерн в своё время всемерно помогал вооружаться гоминьдановским милитаристам, а компартии отказывал в поставках амуниции для рабочих и крестьян, ведь их же потом убивали оружием советского пролетариата?» [21, с. 192].

Без винтовок и денег⁸, конечно, армию не создашь. Но с идеей обзавестись «отдельными» вооружёнными силами при наличии «общих», насколько известно, ни автор вопросника, ни кто-то иной до «июльской катастрофы» не выступал. Военные проблемы практического характера занимали руководство КПК лишь эпизодически и разрешались двумя способами: либо спустя рукава, либо из рук вон плохо. Их чурались, откровенно пугались, откладывали на потом («заковыристая наука», «мудрёное ремесло», «подлое офицерье... оно спуску не даст», «не к спеху, успеется»); а если горячо и принимались за дело, то быстро остывали, не обнаружив потребного эффекта (см.: [22, с. 89–90]).

тать главнокомандующего». Когда вышли из города, началось повальное дезертирство, увенчавшееся 10 октября «горжественной капитуляцией» 1 и 2-й дивизий 20-го корпуса прямо на КП Чэнь Цзигана [18, с. 141–144].

⁶ «Коммунисты очень боялись повторения в Хубэе „12 апреля“, боялись, что и здесь с ними проделают то же, что было в Шанхае, — утверждает Чжан Факуй. — ...Наньчанский мятеж произошёл именно поэтому. Я говорил с ними и знаю» [19, с. 72]. Заявление генерала только внешне противоречит сталинскому «это дело начато по инициативе Коминтерна, и только по его инициативе» [10, т. III, ч. 1, с. 129]. Одно другому не мешало.

⁷ Материально щедрую благосклонность Коминтерна к себе, а не КПК в Гоминьдане полагали вполне естественной и избирательно справедливой. «Россия стремится сотрудничать в Китае только с моей партией, — утверждал её основатель. — Чэнь Дусю здесь ни при чём» [20, с. 458].

⁸ Как следует из доклада ЦК на III съезде КПК, ежемесячная дотация Коминтерна на все нужды партии, включая траты на военную деятельность, составляла всего 2250 юаней [1, т. 1, с. 168].

В казармах коммунистов не жаловали — за «беспрестанные сходы за спиной» и «доносы по начальству», за «тайком подsunутые прокламации не весть про что» и «вечно угрюмые физиономии»... От категоричного вето на «потайную возню и происки» партнёров, именуемые в документах КПК почему-то «укреплением сплочённости и боевого духа личного состава», командование удерживал лишь крайне малый процент частей и соединений, где им удавалось «посеять семена раздора». Ближе к закату двухпартийного союзничества подобных «очагов вредоносной заразы» в войсках не осталось, хотя комплектовались они преимущественно деревенским люмпеном и городскими бродягами, более всего отзывчивыми на коммунистическую пропаганду. Однако их, перенесённых из «полуголодного тунелдства» в «мечту о неотторжимом куске хлеба задарма», увлечь ангажементами погорбатиться на конфискованной помещичьей земле или совсем уж издевательским «мы не рабочий скот, а люди труда», было не просто. Зато поднять на *таочи* («истребление красных»), напротив, легче лёгкого (см.: [23, с. 81–82; 24, с. 74]).

Напористая сборка «тайных партячек», неизбежно обречённых на инкапсуляцию в любом воинском коллективе (помимо того, что это строго-настрого запрещалось приказом ставки), составляла «важное», но лишь одно из направлений военно-прикладного творчества коммунистов. Вполне легальный коридор возможностей тихой сапой упрочивать свой суверенный авторитет в «непросвещённых мозгах и колеблющемся солдатском нутре» размещался в системе армейских партийных представителей и политработников, где им выпало играть абсолютно доминирующую роль. Откуда взялась «привилегия» — тема отдельная, но не было в НРА более презируемого элемента, чем «господа шарлатаны в кожаных перчатках и с кожаным портфелем», «собачьи припарки, что врут и врут, брехнёй мозги проели»⁹ [26, с. 13–14].

Всего воодушевлённой (видимо, подражая «пионеру перетягивания» Ли Дачжао) в КПК пропалывали поля уже со зрелым урожаем: «флиртовали с генералами», «одомашнивали вояк чуть помельче», «делая авансы — не устоишь» [22, с. 93–94]. Устояли и, за вычетом «законченного уклониста» вроде Е Тина да «бандита» Хэ Луна (в

⁹ Партпредставители и тем более политработники в НРА не были наделены реальными полномочиями начальствующих чинов и не имели права вмешиваться в управление войсками. По существу, область их ответственности, если не считать проведения т.н. «бесед по антиимпериализму», ограничивалась контролем за продовольственным и вещевым снабжением рядовых и унтеров (см.: [25, с. 30–32]).

Наньчане пришлось обоим назначать главнокомандующими), других возжелавших разделить идеалы не нашлось [27, ф. 514, оп. 1, д. 254, л. 7, 29].

В целом и частностях, итоги военной деятельности партии до старта открытой вражды с Гоминьданом как в московских инстанциях, так и в ЦК КПК оценили примерно одинаково. «Работа в армии чрезвычайно плоха, хромает на все ноги (так в тексте. — *И.П.*), — находим в отчётах советников. — ...Командным звеном овладели очень и очень слабо; солдаты полностью забыты» [27, ф. 314, оп. 1, д. 244, л. 227–228; ф. 495, оп. 2, д. 78, л. 123]. «В период Первой гражданской революционной войны многие из нас говорили об особой значимости военных аспектов, но на деле было совсем по-другому», — это уже говорит Чжоу Эньлай¹⁰ (цит. по: [28, с. 234]).

До самого завершения Великой революции киткомпартии, мужавшей в относительно комфортной тени патернализма Кремля¹¹, так и не удалось реализовать и базовую, в целеполаганиях Чэнь Дусю, задачу сплотиться в «послушный единой воле организм», «державший покорить вершину своего исторического призвания». По Ленину, чуждому условности визионерских приоритетов, идеалом-константой «партийного устройства» — независимо от ступеней «восхождения» — являлась «воюющая партия», нацеленная, и во-первых, и во-вторых, на «гражданскую войну». Такая планка ригоризма для КПК, не закалённой длительным подпольем и жестокими гонениями как важнейшей предпосылки «сиюмоментного погружения в острую до бешенства, до отчаяния борьбу», была недостижима [11, с. 344; 3, т. 14, с. 8; 3, т. 35, с. 192].

Пассионарностью и иррациональным даром жертвовать собой ради утопии «правого дела» (что есть производное личной отваги, а не наоборот, как водится считать) наделяются единицы. И в ходе репрессий времён «поражения революции» китайские коммунисты, в массе своей мотивированные *баоминчжуи* («принципом самосо-

¹⁰ В азарте самокритики будущий премьер несколько погорячился, забыв указать об успехах КПК в подготовке военных кадров младшего звена в школе Хуанпу.

¹¹ Раздосадованный провальными неудачами КПК весны-лета 1927 г., Сталин окрестил её «ненастоящей партией», обвинил в «непонимании подлёки происходящих событий», а ЦК укорил в том, что тот, подобно нахлебнику, уселся и просидел минувший год «на шее у Гоминьдана, пользовался свободой работы, свободой организации и ничего не сделал для того, чтобы превратить конгломерат элементов... в действующую партию» [10, т. II, ч. 2, с. 850].

хранения»), а не чем-то ещё, исключения не составили¹². Численность партии с мая по ноябрь 1927 г. сократилась не более и не менее, чем на 70% (в абсолютных цифрах на 40 тыс. чел.) [30, т. 1, с. 39; т. 2, с. 68]. Не многовато ли потерь для «авангарда трудящихся», если не принять официозного мифа о «ненасытной кровожадности гоминьдановских палачей»¹³, на которую списываются едва ли не три четверти урона? Отнюдь нет. Всё обстояло соразмерно приёмам и критериям кооптирования в «избранные» (согласно текущим указаниям ЦК, «рабоче-крестьянский элемент принимается в партию без всяких условий»), коих что ранее, что позднее предпочитали рекрутировать в ряды «не индивидуально», но «пачками», «семьями от мала до велика», «фабричными цехами», а то и вовсе «целыми деревнями» (см.: [32, с. 70; 33, с. 259]).

«Может ли такая партия руководить революцией?», — ставится вопрос ребром в одном из докладов южноцзянсийского особкома КПК. На 2-й партконференции Западной Фуцзяни в июле 1929 г. делегат не из последних, дважды назвав Красную армию «главной движущей силой освобождения угнетённых» и сорвав восторженные овации, кажется, ответит на него с исчерпывающей ясностью: «Мы сможем покончить с гоминьдановским господством, только самоотверженно наращивая вооружённые силы и повсеместно создавая партизанские формирования». А где же хвала «передовому отряду»? Увы, о нём ни слова [34, с. 181; 35, с. 274–275].

Дистанцированная в любых координатах от партийного центра «аграрная революция» закономерно предопределила фактически полную локализацию инициативы и практик на периферии КПК. Быть по адресу, разумеется, не означало видеть ситуацию как на ладони, но на то она и «почва», дабы давать дельные подсказки, а не корпеть над алгоритмами сродни «что сначала, что потом».

¹² О свидетельствах «позорного малодушия и трусоватости», маскируемых «сбережением сил» и прочими «стратегическими» соображениями как низовых, так и вожаков рангом повыше, включая Мао Цзэдуна, подробно см.: [29, с. 21–22].

¹³ Масштабы и жестокости кампании *циндан*, т.е. «чистки партии», равно как и её составляющей *цингун* («зачистки коммунистов») в «стерильной» историографии сюжета кратно преувеличены. Физическому истреблению подлежали только «стойкие», не способные к раскаянию коммунисты, остальных и, в частности молодёжь, перевоспитывали после «явки с повинной». *Цзышоу*, как основная метода работы с повинившимися красными, дала немалый эффект в отпоре «национальному отщепенству» (см.: [31, с. 261–262]).

Литература

1. Чжунгун чжунъян вэньцзянь сюаньцзи (Избранные документы ЦК КПК). Пекин, 1989.
2. Цюй Цзяньцзюнь. Чжунгун ида «Чжунго гунчаньдан диигэ ганлин» (I съезд КПК и «Первая программа компартии Китая») // Чжунго даньбао. 2017. 24 февр.
3. Ленин В.И. ПСС. 5-е изд.
4. Чэнь Дусю чжуцзосюань (Избранные произведения Чэнь Дусю). Шанхай, 1993.
5. Цюй Цюбо вэньцзи: чжэнчжи лилунь бянь (Сочинения Цюй Цюбо: политические теории). Т. 3. Пекин, 1989.
6. Цай Хэсэнь вэньцзи (Сочинения Цай Хэсэня). Пекин, 1980.
7. Дэн Чжунся вэньцзи (Сочинения Дэн Чжунся). Пекин, 1983.
8. Чжао Сяолин. Гуаньюй бацзи хуэйи жогань вэньти дэ каоцжэн (О некоторых вопросах, связанных с «совещанием 7 августа») // Байнянь чао. 2013. № 2. С. 43–48.
9. Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 2. М., 1953.
10. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. М., 1994.
11. Тан Баолин. Чэнь Дусю дачжуань (Подробная биография Чэнь Дусю). Сянган, 2011.
12. Пэн Шучжи сюаньцзи (Избранные произведения Пэн Шучжи). Т. 1. Сянган, 1983.
13. Хэ Ичжун, Ян Жэньи. Дагэмин шици Чжунгун дуй учжуан доучжэн «жэньши буцзу» (О «недостаточном понимании» в КПК значения вооружённой борьбы) // Лилунь сюэкань. 2013. № 4. С. 33–38.
14. Чжан Шэньфу ицзю вэньсюань (О том, что помню: избранные воспоминания Чжан Шэньфу). Пекин, 1993.
15. Ван Жофэй вэньцзи (Сочинения Ван Жофэя). Гуйян, 1996.
16. Циньли Наньчан ции (Участники о Наньчанском восстании). Наньчан, 2007.
17. Чжан Хунцин, Сяо Вэньянь. Нунминь сингэ юй Чжунгун дэ сянцунь дуньюань моши (Крестьянский характер и методы КПК по мобилизации деревни) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2012. № 5. С. 60–82.
18. Хэ Лун цзинвэй лянчжан суйцзюнь цзяньвэнь (О наньчанском восстании: записки командира охранной роты Хэ Луна). Наньчан, 2007.
19. Чжан Факуй. Наньчан ции (Наньчанское восстание) // Даньбао юй шисюэ. 1995. № 2. С. 70–75.
20. Сунь Чжуншань цюаньцзи (Полное собрание сочинений Сунь Ятсена). Т. 8. Пекин, 1985.
21. Ян Куйсун. «Чжунцзянь дидай» дэ гэмин (Революция в «промежуточной зоне»). Тайюань, 2010.
22. Жэнь Вэй. Чжунгун цзаоци юй «цянганьцзэ» гуаньси као лунь (О взаимоотношениях КПК с «винтовкой» в ранний период) // Наньцзин да-сюэ сюэбао. 2014. № 5. С. 85–100.
23. Чэнь Гунбо. Кусяо лу (Смех сквозь слёзы: записки). Пекин, 1981.

24. *Чжан Минчу*. Дагэмин шици Чжунгун цзай цзюньдуй чжун дэ цзи-цэн цзучжи цзяньшэ (Партийные организации КПК в войсках в период Великой революции) // Данши данцзянь яньцзю. 2008. № 3. С. 69–81.
25. Дагэмин шици Гоминь гэминцзюнь чжэнчжи гунцзо чжиду цюэли (Система политработы в НРА в период Великой революции) // Шицзицяо. 2009. № 7. С. 28–37.
26. *Су Юй*. Цзильо гуй дахай (В море впадают быстрыны). Пекин, 1979.
27. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
28. Чжоу Эньлай байчжоу цзинянь луньвэньцзи (К 100-летию Чжоу Эньлая: сборник статей). Пекин, 1998.
29. *Хуан Кунь*. Гэмин, гэмин юньсин юй гэти шэнцуньсин ганьшоу: 1927–1929 нянь дэ Чжунгун гэмин (Революция, пути революции и психология выживания индивида: революция КПК 1927–1929 гг.) // Эршии шицзи. 2006. № 2 (47). С. 19–27.
30. Чжунго гунчаньдан цзучжи ши цзьяло (Материалы по организационной истории КПК). Пекин, 2000.
31. *Ян Куйсун*. Гоминьдан дэ «лянь гун» юй «фань гун» (Гоминьдан: «с коммунистами» и «против коммунистов»). Шанхай, 2008.
32. *Чжао Шэнхуэй*. Чжунго гунчаньдан ганьяо (Очерк истории КПК). Хэфэй, 1987.
33. Гуандун гэмин лиши вэньцзянь хуэйцзи. 1927 нянь. *Нэйбу фасин* (Документы по истории революции в Гуандуне. 1927 год. Для служебного пользования). [Б.м.], 1987.
34. Синго вэньши цзьяло сюаньцзи. *Нэйбу фасин* (Избранные материалы по культуре и истории Синго. Для служебного пользования). Т. 3. [Б.м.], 1990.
35. Чжуньян гэмин гэньцзюйди шиляо сюаньбянь (Избранные материалы по истории Центральной революционной опорной базы). Т. 1. Наньчан, 1982.

*I.E. Pozhilov**

**“Party first, army later”:
how the CPC met Chen Duxiu’s requirement**

ABSTRACT: The paper deals with the problem of choosing priorities in the organizational work of the CPC during the Great Revolution and right after it, which is related to the practical resolution of Chen Duxiu’s in many ways farfetched instructions on the primacy of party building at the cost of military one.

KEYWORDS: CCP, Chen Duxiu, “military opportunism”.

* Pozhilov Igor Evgenyevich, PhD (History), leading researcher of Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; E-mail: pozhilov1@yandex.ru